

100

ВЕЛИКИХ СВАДЕБ

100 великих (Вече)

Елена Прокофьева
100 великих свадѐб

«ВЕЧЕ»

2012

Прокофьева Е. В.

100 великих свадеб / Е. В. Прокофьева — «ВЕЧЕ», 2012 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-9533-5521-6

Свадьба – всегда красивый праздник. Но если в брак вступают знаменитости или люди, стоящие на верхних ступенях власти, – свадьба становится уникальным событием. Известны свадьбы, поразившие современников своим богатством и размахом. Иные свадьбы можно сравнить с государственными переворотами – таковы были их последствия для стран и народов. Известны скандальные свадьбы. Существуют свадьбы, о которых помнят до сих пор – так громко они прозвучали и так долго их обсуждали. Очередная книга серии знакомит читателя с самыми незабываемыми свадьбами мира.

ISBN 978-5-9533-5521-6

© Прокофьева Е. В., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Предисловие	5
Древний мир	7
Елена Прекрасная и Менелай Микенский	7
Самсон и Далила	11
Царь Артаксеркс I и Эсфирь	14
Сократ и Ксантиппа	16
Александр Македонский и Роксана	19
Гай Юлий Цезарь и Корнелия Цинилла	22
Гай Юлий Октавиан Август и Ливия Друзилла	30
Гай Кальпурний Пизон и Корнелия Орестина	35
Средневековье и Возрождение	37
Король Эдуард II Английский и Принцесса Изабелла	37
Французская	
Лайонел, герцог Кларенс и Виоланта Висконти	41
Иаков II Шотландский и Мария Гельдернская	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Владимировна Прокофьева, Марьяна Вадимовна Скуратовская

100 великих свадеб

Диару Туганбаеву, моему мужу и другу.
М. Скуратовская

Предисловие

*Но свадьбу я в другом ладу сыграю,
Среди торжеств, и зрелищ, и пиров.*

У.Шекспир. Сон в летнюю ночь

Рождение, вступление в брак, смерть – три главных вехи в жизни человека, на протяжении тысячелетий отмечающиеся особыми обрядами. И именно свадьба празднуется особенно торжественно и пышно – ведь она одновременно означает и конец, и начало; конец жизни в одиночестве и начало жизни совместной, символическую смерть в рамках своих прежних семей и рождение семьи новой.

Через эту церемонию рано или поздно проходят если не все, то большинство из нас, и именно это нас и роднит, вне зависимости от того, в каком веке мы живём, к какой культуре принадлежим. Свадьба фараона в Древнем Египте, свадьба немецкого маркграфа в Средние века, свадьба в маленькой карпатской деревушке в конце XIX века... Детали обрядов могут иметь сотни различий, тысячи нюансов, но суть при этом остаётся всё той же. Он, она, признание их союза и праздник в его честь.

И выбрать свадьбы, подходящие под определение «великие», нелегко. Понятно, что от праздника, который мы так назовём, ожидается, что он оставил некий след в истории, – но какой именно?

О, следы от некоторых тянутся сквозь годы, а порой и века, как длиннейший шлейф свадебного платья какой-нибудь прекрасной принцессы-невесты...

Некогда свадьба правителей или их отпрысков могла означать серьёзные последствия для целых стран – в связи с обретением или потерей территорий, окончанием или началом военных действий, а семейный союз означал одновременно союз политический, военный, торговый. Чаще всего там не было места любви, но до любви ли между двоими людьми, когда решается судьба многих? Высокое положение новобрачных с самого рождения готовило их к тому, что свадьба будет не для них, а для тех, кого судьба поставила под ними и над ними. Вот и передвигали по шахматной доске мира юных невест, власти у которых над собственной судьбой было даже меньше, чем у пешек. И быть может, осознание важности своей роли служило многим из них утешением... К тому же порой в подобные союзы всё-таки замешивались любовь и страсть, и тогда они становились ярким исключением, вызывающим ещё больший интерес.

А ещё свадьба – это праздник, который обычно стараются сделать красивым. И множество свадеб именно так и вошли в историю – своей роскошью и размахом сопровождавших их увеселений, от танцев и музыки до турниров, от фейерверков до раздачи подарков гостям.

А ещё свадьба могла быть и не особенно пышной, зато жених или невеста, а иногда и оба были чем-то знамениты, и тогда даже скромная церемония могла не оставить окружающих равнодушными.

Долгожданные и неожиданные, размеренно-роскошные и скандальные, по любви и без неё, между равными и нет, прошедшие недавно или несколько веков (а то и тысячелетий) назад, описанные в современной прессе и старинных хрониках, оставшиеся лишь в рассказах или оставившие частички себя в музейных коллекциях – словом, разные, но каждый раз чем-то выдающиеся, запомнившиеся, «громкие» – именно такие свадьбы описаны на страницах этой книги.

И последнее. Несмотря на то что здесь о свадьбах будет сказано так много, нельзя не добавить, как бы парадоксально это ни прозвучало – не столь уж и важно, как пройдёт этот день. Да, это праздник, а порой – самый яркий праздник в жизни. И часто можно услышать, что «свадьба – самый главный день в жизни женщины». Не будем даже обращать внимания на то, что о мужчинах так не говорят, и просто отдадим дань тем векам, когда в жизни женщины не было ничего важнее семьи. Дело не в этом. Свадьба – это день. Два. Неделя. Порой месяц. И... И только. А вот после неё начинается совместная жизнь. Никакой самый роскошный праздник не в силах обеспечить семейное счастье, точно так же, как самая скромная (или неудачно прошедшая) церемония не в силах это счастье испортить.

Не важно, как прожит этот день. Важно, как будет прожита жизнь, которая последует за ним.

Древний мир

Елена Прекрасная и Менелай Микенский

XIII век до нашей эры

Это была самая громкая свадьба в Древней Спарте. Царь Тиндарей выдавал замуж свою дочь, самую выдающуюся красавицу во всей Греции, а то и на всем белом свете: Елену, которую называли не иначе как Прекрасной. В Спарте собрались женихи из всех соседних царств, и было их так много, и все они чем-то да славились – кто царевич, а кто великий воин... Тиндарей начал опасаться, что соперники, уже проявлявшие неумеренную воинственность, передерутся и прямо в Спарте начнутся кровопролитные бои. Между тем хитроумный Одиссей, который также сватался к Елене, предложил Тиндарею позволить красавице самой выбрать себе мужа, что для тех времен было передовым подходом к вопросам брака. Тиндарей принял совет, а сам еще и потребовал от женихов клятву, что все они смирятся с выбором Елены, каким бы он ни был, и не станут враждовать, а весело отпразднуют ее свадьбу.

...Когда-то люди не сомневались, что Елена Прекрасная, она же Елена Спартанская и Елена Троянская, никогда не существовала в действительности и являлась только персонажем мифа. Но с тех пор, как Шлиман доказал, что Троя существовала на самом деле – та самая Троя, которую в Греции называли Илионом, которую осаждали корабли царя Агамемнона, и когда доказали, что существовал когда-то Агамемнон... появились сомнения: а может быть, и все остальное тоже было когда-то? И у Елены Прекрасной тоже был прообраз: какая-то красавица, которую похитил троянец у спартанского царя? В вопросе, кто были родители Елены, имеется ряд расхождений. Самый распространенный миф – отцом ее стал Зевс, в образе лебедя явившийся к прекрасной спартанской царевне Леде и соблазнивший ее, а после уже Леда вышла замуж за спартанского царя Тиндарея. Иного объяснения необыкновенной красоты Елены у ее современников не было. Существовал еще миф, согласно которому Елене предстояло пять раз выйти замуж и стать причиной кровопролитной войны. И если верить мифу, то прежде, чем стать женой Менелая, Елена еще девочкой была похищена пожилым уже Тесеем, который успел на ней жениться, но братья поехали за ней и вернули ее домой.

Поцелуй (предположительно Елена и Менелай). Деталь росписи краснофигурной вазы

Одиссей, предлагая Тиндарею предоставить дочери право выбора, видимо, надеялся, что Елена выберет его. Но она предпочла молодого красавца Менелая, могучего и светлокудрого. Он и его старший брат Агамемнон когда-то правили Микенами, но вынуждены были бежать оттуда и нашли приют в Спарте. Возможно, Одиссей же первый и был недоволен ее решением... Но клятва была произнесена и исполнена: все женихи смиренно приняли выбор Елены.

Сохранился «Эпиталямий Елене» – свадебная песнь, которую подружки невесты исполняли под стенами брачного покоя в то самое время, когда жених впервые должен был возлечь с невестой, а его лучший друг охранял двери. Разумеется, написана она была не к самой свадьбе Елены и Менелая, а много позже, когда их свадьба уже стала частью великого греческого мифа о Троянской войне...

Некогда в Спарте, придя к белокурому в дом Менелая,
Девушки, кудри украсив свои гиацинтом цветущим,
Стали, сомкнувши свои круг, перед новой расписанной спальней

Лучшие девушки края Лаконского, снегом двенадцать.
В день этот в спальню вошел с Тиндареевой дочерью милой
Взявший Елену женою юнейший Атрея наследник.
Девушки в общий напев голоса свои слили, по счету
В пол ударяя, и вторил весь дом этой свадебной песне.
«Что ж ты так рано улегся, любезный наш новобрачный?
Может быть, ты лежебок? Иль, быть может, ты соней родился?
Может быть, лишнее выпил, когда повалился на ложе?
Коли так рано ты спать захотел, мог бы спать в одиночку.
Девушке с матерью милой и между подруг веселиться
Дал бы до ранней зари – отныне и завтра, и после,
Из года в год, Менелай, она будет женою твоею.
Счастлив ты, муж молодой! Кто-то добрый чихнул тебе в пользу
В час, когда в Спарту ты прибыл, как много других, но удачней.
Тестем один только ты называть будешь Зевса Кронида,
Зевсова дочь возлежит под одним покрывалом с тобою.
Нет меж ахейнок всех, попирающих землю, ей равной.
Чудо родится на свет, если будет дитя ей подобно.
Все мы ровесницы ей; мы в беге с ней состязались,
Возле эвротских купален, как юноши, маслом натершись,
Нас шестьдесят на четыре – мы юная женская поросль,
Нет ни одной безупречной меж нас по сравненью с Еленой.
Словно сияющий лик всемогущей владычицы-ночи,
Словно приход лучезарной весны, что зиму прогоняет,
Так же меж всех нас подруг золотая сияла Елена.
Пышный хлеб урожай – украшение полей плодородных.
Гордость садов – кипарис, колесниц – фессалийские кони;
Слава же Лакедемона – с румяною кожей Елена.
Нет никого, кто б наполнил таким рукодельем корзины.
И не снимает никто из натянутых нитей основы
Ткани плотнее, челнок пропустив по сложным узорам,
Так, как Елена, в очах у которой все чары таятся.
Лучше никто не споет, ударяя искусно по струнам,
Ни Артемиде хвалу, ни Афине с могучею грудью.
Стала, прелестная дева, теперь ты женой и хозяйкой;
Мы ж на ристалище вновь, в цветущие пышно долины
Вместе пойдем и венки заплетать ароматные будем,
Часто тебя вспоминая, Елена; так крошки ягнята,
Жалуясь, рвутся к сосцам своей матки, на свет их родившей.
Первой тебе мы венок из клевера стеблей ползучих
Там заплетем и его на тенистом повесим платане;
Первой тебе мы из фляжки серебряной сладкое масло
Каплю за каплей нальем под тенистою сенью платана.
Врезана будет в коре по-дорийски там надпись, чтоб путник,
Мимо идя, прочитал: «Поклонись мне, я древо Елены».
Счастлива будь, молодая! Будь счастлив ты, муж новобрачный!
Пусть наградит вас Латона, Латона, что чад посылает,
В чадах удачей; Киприда, богиня Киприда дарует
Счастье взаимной любви, а Кронид, наш Кронид-повелитель,

Из роду в род благородный навеки вам даст процветанье.
Спите теперь друг у друга в объятьях, дышите любовью,
Страстно дышите, но все ж на заре не забудьте проснуться.
Мы возвратимся с рассветом, когда пробудится под утро
Первый певец, отряхнув свои пышные перья на шее.
Пусть же, Гимен, Гименей, этот брак тебе будет на радость!

Перевод М.Е. Грабарь-Пассек

Елена родила от Менелая дочь Гермению. Когда Тиндарей скончался, Менелай стал царем Спарты.

Его брат Агамемнон женился на младшей сестре Елены – Клитемнестре. Он оказался талантливым военачальником и не только отвоевал Микены, но еще и начал объединять под своею рукой все разрозненные греческие земли.

А что было дальше – мы все знаем из мифов... Слава о красоте Елены разнеслась по всему миру, и все стремились полюбоваться на нее. От ее лица невозможно было оторвать взгляд, а по форме ее груди отлили чаши для алтаря Афродиты. И Менелая не долго пришлось наслаждаться семейным счастьем: Елену похитил троянский царевич Парис. Оскорбленный Менелай попросил помощи у своего брата Агамемнона. А тот давно уже мечтал о захвате богатейшего города, но не имел повода для войны. Теперь повод нашелся. Греческие корабли устремились к берегам Илиона...

Во время двадцатилетней осады Трои царевич Парис погиб в бою, да и не он один. Троянцы утратили всякую симпатию к Елене, обвиняя ее в своих несчастьях. Но красота помогла ей найти нового покровителя: Елену взял в жены сводный брат Париса – Деифоб. Дальше версии легенды расходятся: то ли Елена предала троянцев, подавая факелом со стены знаки для греческой армии, то ли, наоборот, – заподозрила, что внутри гигантского деревянного коня, якобы брошенного отступившими греками, на самом деле находятся воины, готовые вероломно напасть на Трою, и пыталась привлечь внимание беспечных троянцев к этому источнику угрозы. В любом случае Троя была обречена. Ибо внутри коня действительно засели воины, и ночью они открыли ворота Трои для греческой армии. Деифоб погиб в бою. Так Елена, при живом муже, сумела дважды овдоветь.

Менелай, жаждущий отомстить неверной жене, нашел Елену в храме Афродиты. Но когда он выхватил меч, чтобы убить изменницу, Елена откинула с лица вдовье покрывало и распахнула свои одежды: лицо и тело ее были так прекрасны, что Менелай позабыл про месть и про меч и прямо в храме вернул жене свое расположение. Когда он привел Елену в греческий лагерь, нашлись недовольные, требовавшие ее смерти в отместку за гибель многочисленных воинов, павших под стенами Трои. Но стоило любому из них посмотреть на лицо Елены, как желание мстить исчезало, так она была прекрасна. Менелай с Еленой вернулись в Спарту. И то ли благополучно дожили до глубокой старости, то ли Елену все-таки убил кто-то из тех, кто жаждал мести за погибших мужей, сыновей и друзей: версий ее смерти немало... Однако греки верили, что и в сумрачном царстве Аида она осталась самой прекрасной и желанной женщиной. И что боги, решив наградить великого героя Ахиллеса, погибшего при взятии Трои, отдали ему в жены Елену. Так сбылось второе предсказание парок: у Елены было пять мужей – четыре на земле и один в ином мире.

Самсон и Далила

Около XII века до нашей эры

История эта произошла давно, очень давно, настолько давно, что существуют сомнения – а была ли она на самом деле? Но найдутся и верящие в нее, ибо записана она в Ветхом Завете, и уверенные в том, что исторические Самсон и Далила жили на самом деле, потому что существует могила Самсона в Газе, которой поклоняются и арабы, и иудеи... И конечно же, есть разногласия. Одни считают, что Самсон был женат на женщине-филистимлянке, чье имя не сохранилось, а другая филистимлянка – красавица Далила – стала виновницей его гибели. Другие же полагают, что две филистимлянки – многовато для биографии ветхозаветного героя и праведника. Что коварная Далила была женой Самсона. И пожалуй, с ними можно согласиться, потому что коварство свое она начала проявлять с самого дня свадьбы... самой громкой и скандальной свадьбы в Древней Иудее. Одной из самых запоминающихся свадеб в Ветхом Завете. И одной из самых тиражируемых в изобразительном искусстве.

Самсон (правильно произносить – Шимшон) родился в семье знатной и был с детства посвящен в назареи. Назареи – это особо посвященные Богу люди, которые давали обет не есть винограда, не пить вина, не стричь волос, не прикасаться к умершим. Если назарей соблюдал все это – он мог стать первосвященником. Ортодоксальный иудаизм назарейства не признавал и считал ересью. Назареи были уверены, что в своих обетах и жертвах они черпают уникальную силу. Самсон был живым воплощением праведности назарейства: он был фантастически сильным человеком.

Во времена, когда жил Самсон, иудеи страдали под игом филистимлян, причем наш герой принадлежал к колену Дана, особенно пострадавшему в этой древней войне. Его отец Моной успел состариться, но так и не дождался рождения сына. Он уже отчаялся, когда ему явился Ангел Господень и предрек, что пожилая жена Моной забеременеет и родит великого героя: «И он начнет спасение Израиля от руки филистимлян». Ангел потребовал, чтобы Моной стал назареем и вырастил из своего сына назарея. Моной все исполнил... Но Самсон начал не с войны, а с того, что решил жениться на прекрасной филистимлянке Далиле. Его родители были решительно против того, чтобы сын женился на дочери оккупантов, к тому же идолопоклоннице, и Моной приводил в пример Священное Писание, где Моисей запрещал подобные браки. Самсон сумел настоять на своем. А родители невесты, видимо, не имели ничего против. Начали готовить свадьбу.

Свадьба Самсона. Художник Рембрандт ван Рейн

Интересно, что при этом Самсон был уже женат на иудейке. О ней ничего не известно. К женщинам в те времена относились пренебрежительно, почти как к имуществу. Так что ничего удивительного, что Самсон не спросил ее мнения и что имени этой кроткой женщины не осталось в памяти людей... В отличие от имени Далилы, которая осмелилась проявить хитрость, коварство и непокорность.

Однажды, следуя в гости к своей невесте, Самсон увидел, как лев нападает на ягненка. Он бросился на льва и, схватив его челюсти, разорвал животное пополам. Этот сюжет – Самсон, разрывающий пасть льва, – очень популярен в живописи и особенно в скульптуре, где можно показать напряжение великолепных мышц мужчины, схватившегося с хищником... Спустя несколько дней, проходя тем же путем, Самсон увидел, что в сломанных челюстях льва поселился пчелиный рой и уже наполнил пасть зверя сотами, в которых полно меда. Укусов пчел великий герой боялся не больше, чем львиных челюстей, поэтому Самсон забрал соты с медом и отнес их в дар родным невесты.

Наконец, пришел первый день свадьбы, которую положено было праздновать семь дней. Во время пира Самсон предложил тридцати гостям из числа филистимлян загадку: «Из ядущего вышло ядомое, а из сильного вышло сладкое». Пospорили на тридцать рубашек и тридцать смен одежды. Но понятно, что филистимляне никак не могли понять, о чем говорил Самсон, они же не были осведомлены об удивительной истории с медом из львиной пасти... Гости были расстроены и обижены. Три дня они мучились над загадкой. И в конце концов пришли к жене Самсона с угрозой: «Уговори мужа, чтоб он разгадал нам загадку; иначе мы сожжем огнем тебя и дом отца твоего».

Для Далилы вызнать правду не составляло большого труда: охваченный страстью молодой муж был готов на все, лишь бы она пустила его на ложе. Он поведал ей ответ на загадку, а она рассказала наутро гостям... Филистимляне выиграли спор. А когда Самсон спросил, как

же они узнали, гости ответили загадкой на загадку: «Что слаще меда и что сильнее льва!» Самсон понял, что они имели в виду: любовь жены слаще меда, а сладострастие оказалось сильнее льва и сокрушило героя... Самсон разгневался и, чтобы отдать им выигранное, пошел в город Аскалон, убил тридцать филистимлян и снятую с них одежду отдал своим гостям.

Поскольку гнев все еще кипел в его душе, Самсон решил оставить свою молодую жену. Но через некоторое время, соскучившись, вернулся и даже принес в дар тестю ягненка. И узнал, что тот отдал дочь одному из гостей с той свадьбы, считая, что Самсон отказался от нее навсегда. Самсон в очередной раз пришел в ярость. Тесть предлагал ему руку своей младшей дочери, клялся, что она красивее старшей, но Самсон хотел только одну женщину – Далилу.

Чтобы отомстить коварным филистимлянам, он решил сжечь их посевы, что ему успешно удалось. Но в ответ на это филистимляне захватили первую жену Самсона, иудейку, вместе со всеми ее родными, заперли их в доме и сожгли.

После этого Самсон стал мстить филистимлянам с соответствующей той эпохе жестокостью и удивительной изобретательностью. О подвигах его можно прочесть в литературе, а нас интересует свадьба и ее последствия...

Если придерживаться версии, что филистимлянкой, на которой женился Самсон, была Далила, то, видимо, он действительно любил ее и тосковал по ней. Даже став великим героем и судьей среди своих соплеменников, он не смог удержаться, когда встретился с ней снова. Далила или овдовела, или как-то еще рассталась с супругом. Она жила одиноко, и Самсон стал приходить к ней как любовник. Узнав об этом, филистимляне предложили Далиле: «Уговори Самсона и выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за это каждый тысячу сто сиклей серебра». Далила согласилась. Видимо, не слишком-то симпатичен ей был Самсон. Она принялась выпрашивать, Самсон несколько раз обманывал ее, но наконец сдался и сказал правду: «Бритва не касалась головы моей, ибо я назарей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду как прочие люди».

«И увидела Далила, что раскрыл он перед ней все сердце свое... И усыпила его на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его... филистимляне взяли его... оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников».

Филистимляне еще и ослепили бывшего силача, чтобы сделать его совсем беспомощным.

Но со временем волосы отросли... А филистимляне оказались забывчивы и, не заметив, что источник силы вернулся к Самсону, привели его на свой пир, чтобы над ним поглумиться. Самсон разорвал цепи и с криком «Умри, душа моя, с филистимлянами!» обрушил колонны, поддерживавшие свод зала. Погибло более трех тысяч человек, в том числе и сам Самсон. «И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей»

Иудеи выкупили тело Самсона и похоронили с почестями.

О том, что стало с Далилой, история умалчивает. Но, по крайней мере, имя ее осталось в истории.

Царь Артаксеркс I и Эсфирь

472 год до нашей эры

Брак между иудейкой Эсфирью и персидским царем Артаксерксом I стал неожиданностью для обоих народов, был негативно воспринят и иудеями, и персами и имел самые серьезные последствия для истории. Впрочем, конечно же, многие историки сомневаются – а была ли Эсфирь, а произошли ли на самом деле описанные в Ветхом Завете события? Но могила Эсфири до сих пор существует на территории нынешнего Ирана...

Свадьба Эсфири. Художник Ю. Шнорр фон Карольсфельд

В любом случае это была одна из самых великих свадеб в древней истории.

Все началось с восьмидесятидневного празднества, которое устроил Артаксеркс для своих подданных и послов иных держав. На седьмой день он пожелал похвалиться красотой жены своей, царицы Вашти, и приказал ей выйти в царском уборе к гостям и танцевать. Вашти отказалась, чем разгневала Артаксеркса. Он изгнал ее и пожелал найти себе новую жену. Для этого царь велел приводить во дворец всех прекрасных девственниц. И если кто утаит красавицу, тот будет наказан... И все боялись гнева Артаксеркса и приводили ему своих дочерей и племянниц. Самых красивых Артаксеркс оставлял себе, потому что мог иметь сколько угодно жен, но лишь одну мог короновать как свою царицу.

И Мордехай, иудей, служивший у Артаксеркса, привел к нему Эсфирь, племянницу, сироту, которая жила у него вместо дочери. Эсфирь была не только красива и девственна, она также была хорошо образованна, умна и умела заботиться о своей красоте, так что ежедневный туалет ее занимал не менее двух часов. Кроме того, она смогла вовремя проявить скромность и понравилась Загаю, главному царскому евнуху. Как сказано в Книге Эсфири: «И когда пришла очередь Эсфири... идти к царю, то не просила она ничего, кроме того, о чем сказал ей Загай, царский евнух, страж жен. И понравилась Эсфирь всем видевшим ее. И взята была Эсфирь к царю Артаксерксу в царский дом его в десятом месяце, то есть в месяце Тэвэте, на седьмом году его царствования».

Сначала Эсфирь была наложницей Артаксеркса, но потом ее красота и ум произвели на царя такое впечатление, что он решил сделать ее своей царицей. Решение царя жениться на иудейке вызвало протест у многих его придворных, но Артаксеркс никогда не оглядывался на чужое мнение. Он отпраздновал пышную свадьбу, во время которой короновал Эсфирь: «И полюбил царь Эсфирь больше всех жен, и снискала она его расположение и благосклонность больше всех девиц, и возложил он царский венец на голову ее, и сделал ее царицей вместо Вашти. И устроил царь большой пир для всех сановников своих и рабов (придворных) своих, пир (в честь) Эсфири, и облегчил (налоги) областям, и раздал дары с царской щедростью...»

Дальше же произошло все то, что возвеличило Эсфирь и Мордехая и что отмечается иудеями по сей день каждый год, во время праздника Пурим. Мордехай раскрыл заговор с целью убийства царя и через Эсфирь предупредил Артаксеркса, что способствовало его возвышению. Знатный вельможа Аман возмутился, узнав, что иудея возвысили, и выстроил сложную интригу, результатом которой был подписанный царем указ об истреблении и изгнании всех иудеев. Узнав об этом указе, Мордехай попросил Эсфирь спасти свой народ. И она рискнула жизнью, появившись в покоях Артаксеркса без приглашения. Она позвала его на пир в свои покои и во время пира рассказала о кознях Амана. Артаксеркс, видимо, быстро принимал решения и легко менял свое мнение: он приказал казнить Амана и всех его сторонников.

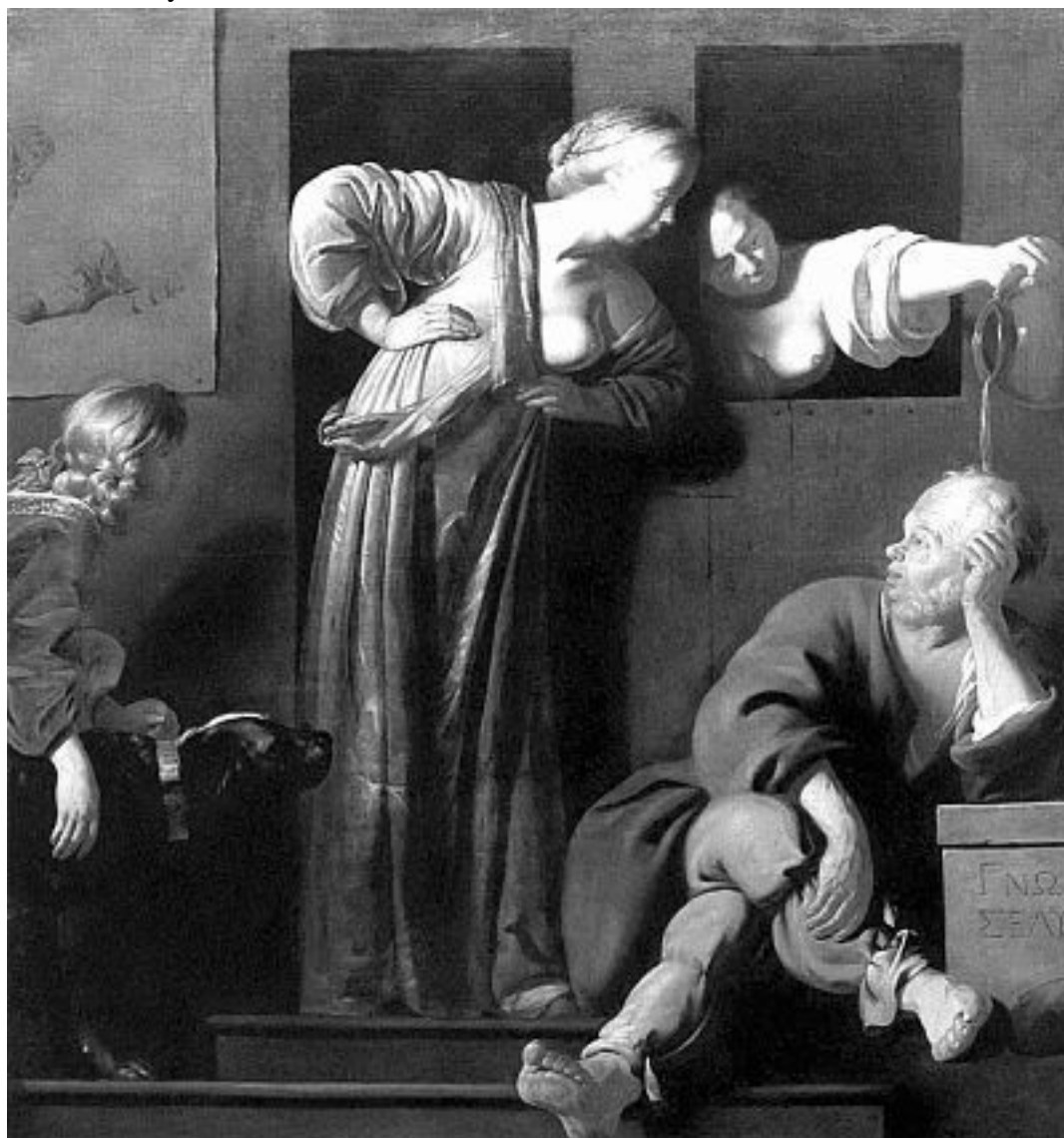
Эсфирь и Артаксеркс жили долго и счастливо, но со временем страсть царя к супруге поутихла, и он взял себе другую, молодую жену – Дамаспию. Эсфирь была настолько разумна, что не выказывала ревности. Артаксеркс скончался в мае 424 года до нашей эры, после сорока одного года успешного правления. Его жена Дамаспия умерла в тот же день, из-за чего можно предполагать, что умерли они от какой-то инфекционной болезни. Они вместе похоронены близ Персеполя.

Эсфирь же покинула дворец царя, вернулась к своему дяде Мордехаю и жила в провинции, почитаемая своим народом, до глубокой старости. Они с Мордехаем похоронены вместе, и могила их почитается как святыня не только иудеями, но и мусульманами. В Иране на могилу Эсфири приводят строптивых, но любимых жен в надежде, что ветхозаветная красавица врачумит их и научит, как следует вести себя с мужем, чтобы он в своем доме чувствовал себя истинным царем.

Сократ и Ксантиппа

Приблизительно 429 год до нашей эры

Для древних греков свадьба не была выдающимся событием, так что редко какие из свадеб заслужили хотя бы упоминания историков. Жenu обычно брали ради того, чтобы продлить свой род, второй причиной было приданое, третьей – возможность породниться с сильной и богатой семьей. В общем, все как всегда и как у всех... Положение женщины в Древней Греции было далеко не выигрышным, и все достойные жены вели тихую жизнь на женской половине дома, и мало кто из них вошел в историю – в основном современникам запоминались образованные и веселые гетеры! Так что брак известного, к тому времени уже немолодого (ему было около сорока – или за сорок) философа Сократа с молоденькой девушкой Ксантиппой, на который он решился под давлением родных и друзей, имея перед собой первую и основную из брачных целей – продолжить свой род, – остался в памяти современников как событие. Ведь никто не ожидал, что знаменитый Сократ все же женится. И тем более никто не ожидал, что Сократ женится неудачно...

Ксантиппа поливает Сократа водой. Художник Р. ван Бломмендаль

Но, собственно, речь у нас пойдет о свадьбе. Как бы мало значения ни имела свадьба для мужчин в Древней Греции, для женщины она становилась зачастую единственным праздником за всю их жизнь. Немецкий историк, специалист по античности, Ганс Лихт писал:

«Собственно свадьба предварялась обычно самыми разными обрядами, в первую очередь, разумеется, жертвами богам – покровителям брака, и, в частности, Гере и Зевсу; запрет на использование желчи жертвенного животного являлся символом, смысл которого нетрудно понять: в браке нет места “желчи и гневу”. Во многих местах было принято, чтобы невеста возлагала на алтарь несколько прядей волос или пояс либо то и другое вместе; принесение на алтарь локонов символизировало расставание с юностью, принесение пояса – с девственностью. До жертвоприношения или после него невеста совершала омовение, воду для которого приносил мальчик, живший по соседству. Вода бралась в ручье или реке, имевших в данной ситуации особенно большое значение – будь то афинский источник Каллироя или фиванская река Йемен.

Обыкновение устраивать свадебный пир было, вне всяких сомнений, распространено по всей Греции. В то время женщины не могли присутствовать на мужских застольях, однако на свадебных пирах они угощались в одной комнате с мужчинами, занимая при этом отдельные столы. Расходы, которые несли устроители таких пиров, и род увеселений, конечно, различались в зависимости от финансовых возможностей хозяев и вкусов эпохи. Кунжутные пирожные, сдобренные фруктовыми добавками, были на этих застольях обычным лакомством. Символическое значение имел и другой обряд: во время пиршества прекрасный обнаженный юноша, украшенный боярышником и листьями дуба, обходил гостей с подносом, на котором были разложены печенье и пирожные, восклицая: “Я избежал зла и обрел наилучшее”.

После трапезы, которая, естественно, сопровождалась тостами и здравицами, невеста садилась в повозку, запряженную быками, мулами или лошадьми, и отправлялась в дом жениха. Она сидела между женихом и его парохом – лучшим другом или ближайшим родственником.

После прибытия невесты в дом жениха ось повозки иногда сжигалась. Это считалось предзнаменованием того, что невеста никогда не захочет покинуть дом мужа.

Свадебные факелы были неотъемлемым атрибутом свадебного шествия; их возжигали матери невесты и жениха и несли те участники праздника, что шли пешком. Все они были нарядно одеты, о чем можно догадаться, если, не довольствуясь сообщением об этой подробности у Гомера, принять во внимание развитое у греков чувство прекрасного. Платье невесты было, по-видимому, разноцветным, одежда жениха (очень характерная деталь) не черной, как это принято у нас, но белой, сотканной из самой тонкой шерсти; мужчины, участвовавшие в процессии, были одеты также, как и жених. Невесту и жениха украшали венками и пестрыми лентами; невеста не жалела на себя благовоний, и у лица ее колыхалась яркая пелена – традиционная деталь наряда невесты.

Встречные поздравляли и шутливо подбадривали свадебную процессию, двигавшуюся по улицам города под аккомпанемент флейт; ее участники распевали гименей – свадебную песнь, названную именем бога свадьбы Гимена.

Там невест из чертогов, светильников ярких при блеске,
Брачных песней при кликах, по стогнам градским провожают;
Юноши хорами в плясках кружатся; меж них раздаются
Лир и свирелей веселые звуки; почтенные жены
Смотрят на них и дивуются, стоя на крыльцах воротных.

Перевод Н.И. Гнедича

В древности существовал обычай, согласно которому брачные покои умелой рукой украшал сам муж.

В песенных состязаниях и играх протекает ночь. Темнота стужается. Настал долгожданный час. Жених порывисто встает, сжимает в крепких объятиях застенчиво сопротивляющуюся ему невесту и, по обычаю героических времен, поспешно уносит свою драгоценную добычу. За ним следует самый надежный из его друзей, юноша «высокого роста и с крепкими руками», способный отстоять двери свадебного покоя от врага даже более опасного, чем девушки, которые быстро вскакивают со своих мест и с хорошо разыгранным ужасом устремляются вслед за похитителем в надежде вырвать подругу из его рук; они также беспомощны, как пташки, бросившиеся в погоню за ястребом, похитившим одну из их товарок и уносящим ее в своих когтях. Когда, запыхавшись, они подбегают ко входу в комнату новобрачных, дверь уже захлопнута. Из-за дверей до них доносится голос жениха, который тем временем опускает прочные засовы и обращается к ним с насмешливым старинным изречением: “Назад, здесь девушек хватает и без вас”. А снаружи, перед запертой дверью, возвышается исполинская фигура верного стража, уже приготовившегося к бою и с удовольствием предвкушающего веселую схватку с “проклятыми девками”.

Но веселое подзадоривание длится недолго. Остается только в последний раз выказать свою привязанность, сказать последнее “прости” подружке, которая, вступив в брачный покой, “стала уже хозяйкой дома”. Девушки снова поспешно перестраивают свои ряды и запевают песнь брачного покоя эпиталями в собственном смысле слова, который становится последним актом всего торжества, даже если на следующее утро оно получит продолжение в виде песни пробуждения, которая подводит окончательный итог всему свадебному представлению.

Наутро новобрачные просыпались под звуки серенады и принимали всевозможные подарки от своих родственников. С этого дня молодая жена показывалась на людях уже без покрывала невесты, которое она посвящала Гере, богине – покровительнице брака. В этот день в доме отца жениха или самого жениха устраивался пир, в котором – немаловажная подробность – женщины, а стало быть, и новобрачная уже не участвовали; очевидно, что всякие лакомства, подававшиеся в этот день к столу, готовились вчерашней невестой, которая таким образом впервые получала возможность продемонстрировать свои кулинарные таланты. Смысл данного обычая ясен. В первую ночь муж отдал жене то, что по праву принадлежит ей и теперь он снова временно принадлежит обществу друзей и родственников-мужчин, тогда как молодой жене приходится исполнять свои обязанности на кухне. То, что, по-видимому, пир этот был исполнен радости и веселья, вовсе не мешало ему быть последним и торжественным подтверждением юридической полноценности свадебной церемонии, а поэтому было принято приглашать на него как можно больше гостей, которые как бы выступали в роли свидетелей».

Ксантиппа оказалась не такой кроткой, как другие древнегреческие жены, скромные обитательницы женской половины дома. Она вошла в историю как самая сварливая и злобная жена, основательно попортившая философу жизнь. Впрочем, кое-кто из историков считает, что большинство рассказов о ней – анекдоты, придуманные друзьями Сократа, которые недолюбливали Ксантиппу за то, что великий философ отвлекался на нее от общества друзей. Ведь Сократ был так влюблен, что даже позволял жене ездить на нем верхом – непонятно только в прямом или переносном смысле, однако художники предпочитали считать, что в прямом, и изображали Ксантиппу сидящей на спине Сократа. Когда Сократ был арестован, Ксантиппа повела себя как самая достойная жена: с младшим ребенком на руках каждый день приходила к стенам тюрьмы, пыталась разжалобить судей и добиться свидания. А когда Сократа приговорили к смерти и он принял яд, Ксантиппа искренне оплакивала его смерть.

Александр Македонский и Роксана

327 год до нашей эры

Александр Македонский – один из величайших в истории правителей и завоевателей – женился, в отличие от многих его современников, по большой любви. Причем женился не по греческому, а по персидскому обычаю. На пленнице бактрийке, чем возмутил всех своих сподвижников.

Видимо, восточные женщины нравились Александру больше, чем греческие. В 333 году, по словам Плутарха, ему приглянулась тридцатилетняя пленница благородных кровей, красавица Барсина. Она была старше его, и все же «Александр последовал совету Пармениона, предложившему ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной. Глядя на других красивых и статных пленниц, Александр говорил шутя, что вид персиянок мучителен для глаз».

Еще более мучителен для глаз завоевателя оказалась внешность четырнадцатилетней дочери бактрийского вельможи Оксиарта. Она была знаменита своей красотой и среди соплеменников, недаром ее называли Роушанак – «сияющая». На латыни ее имя звучало как Роксана...

Перед наступающими армиями Александра Оксиарт с семьей и войском заперся в крепости, считавшейся неприступной, но все же крепость пала, и вельможе пришлось сдаться на волю победителя вместе с женами и детьми, среди которых было несколько взрослых девушек. Александра Македонского в пути всегда сопровождали писатели, историки, философы, в общем – было кому вести летопись. Этими летописями пользовались историки последующих эпох, чтобы воссоздать события жизни великого завоевателя. Греческий писатель Арриан из Никомедии рассказывал: «Одну из этих дочерей звали Роксана. Она была девушка на выданье, и те, кто принимал участие в походе, повторяли, что она была прекраснейшая из женщин, которых они видели в Азии, исключая одну только жену Дария. Александр влюбился в нее с первого взгляда, но, хотя она была пленницей, он отказался из-за страстного влечения к ней взять ее силой и снизошел до женитьбы на ней».

Свадьба Александра Македонского и Роксаны. Настенная роспись виллы Фарнезина. Художник Иль Содома

Незадолго до этого у Александра родился первый его сын: Геракл, от наложницы Барсины. Но Барсина была забыта: Роксана затмила для царя всех других женщин.

А между тем ее вместе с сестрами привели на пир к победителям, где они должны были улаживать воинов танцами и отдаваться тем, кто их пожелает. Обычно подобные увеселения кончались насилием над пленницами. Но Александр пожелал Роксану себе одному... И он не хотел просто взять ее, как рабыню. Он хотел, чтобы она стала его женой. Не остановил его даже протестующий ропот соратников. Квинт Курций в «Истории Александра Македонского» писал: «... царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем, чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями».

Мало кто понимал далекоидущие политические планы Александра, согласно которым он хотел не силой удерживать завоеванные земли под своей властью, а создать поистине могущественное и единое государство. В эти планы вписывался и брак с Роксаной. Плутарх комментирует: «И его брак с Роксаной, красивой и цветущей девушкой, в которую он однажды влюбился, увидев ее в хороводе на пиру, как всем казалось, вполне соответствовал его замыслу, ибо брак этот сблизил Александра с варварами, и они прониклись к нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержанность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его».

Любила ли Роксана Александра? На момент свадьбы – наверное, нет. Скорее всего, она испытывала только страх перед его могуществом и благодарность за то, что он избавил ее от поругания и возвысил. Но потом своими поступками она доказала, что любит и страстно ревнует...

Александр был хорош собой. Плутарх так описывал царя-завоевателя: «Внешность Александра лучше всего передают статуи Лисиппа, и сам он считал, что только этот скульптор достоин ваять его изображения. Этот мастер сумел точно воспроизвести то, чему впоследствии подражали многие из преемников и друзей царя, – легкий наклон шеи влево и томность

взгляда. Апеллес, рисуя Александра в образе громовержца, не передал свойственный царю цвет кожи, а изобразил его темнее, чем он был на самом деле. Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице».

А главное – Александр обращался с Роксаной не как с пленницей, а как с возлюбленной невестой.

Свадьбу сыграли по персидскому обряду, который был очень прост: молодые, держась вместе за рукоятку ножа, разрезали особый круглый хлеб, а потом каждый съел половину. Правда, потом Александр устроил пышное празднество для своих воинов: с обильными возлияниями, с танцовщицами, музыкантами и гетерами, которые следовали за его войском.

Александр воспринял многие персидские традиции. После победы над царем Дарием он взял себе в жены двух его дочерей: Стариру и другую, чье имя история не сохранила, а также приказал каждому из своих военачальников взять себе в жены знатную персиянку и сыграл общую пышную свадьбу. После победы над Артаксерксом III Александр взял в жены его дочь Парасатиду. И в довершение обзавелся гаремом из 360 наложниц. Диодор Сицилийский писал: «Каждую ночь они проходили перед ложем царя, так что он мог выбрать одну, с кем делил эту ночь».

Роксана, хоть и привыкшая к многоженству, все же безумно ревновала. Но бунтовать против воли мужа не смела. Она старалась сохранить свое положение любимейшей из жен и следовала за Александром во всех его походах, тогда как другие жены оставались во дворцах.

Александр скончался в 323 году до нашей эры. Ему не было и тридцати трех лет. Перед смертью он десять дней провел в страшных муках и просил у близких вина или яда, чтобы покончить со страданиями. Он испустил дух в объятиях Роксаны, которая поцеловала его в губы, чтобы «поймать его душу», и сама закрыла его глаза, чтобы быть последней, что эти глаза видели, дабы Александр наверняка узнал ее в мире ином. Роксана была на восьмом месяце беременности. Она верила, что в тело младенца, которого она носит, вселится отлетавшая душа Александра. Сына, рожденного месяц спустя, она назвала именем отца – Александр. И считала его живым воплощением усопшего мужа.

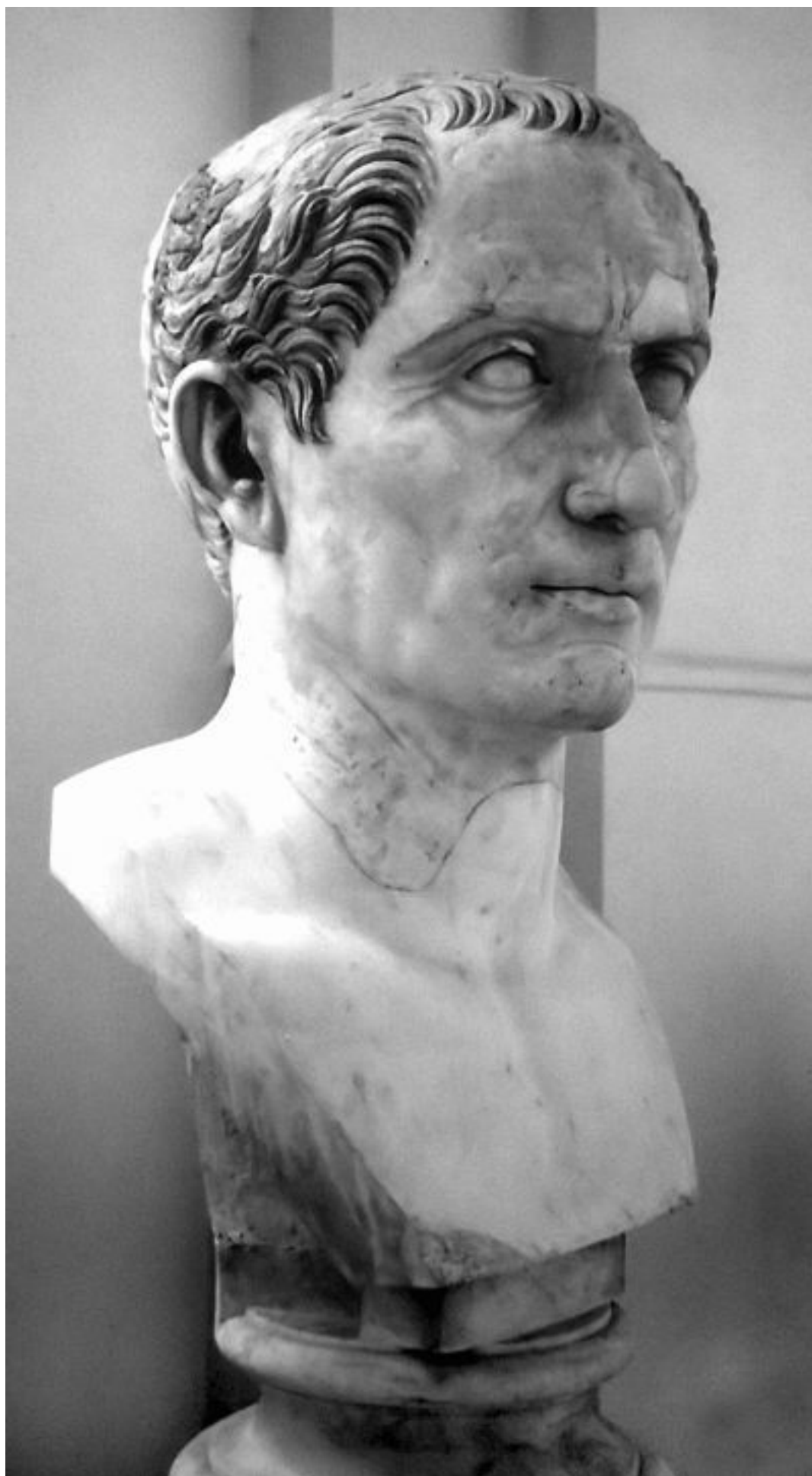
Теперь, когда Александра не было, Роксана могла отомстить: его наложниц она раздарила и распродавала. А его персидских жен попросту убила... Плутарх писал: «До крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она при помощи подложного письма заманила ее и ее сестру к себе, обеих убила, бросила трупы в колодезь и засыпала землей».

Но и саму Роксану ждала печальная судьба. Александр не оставил распоряжений относительно престолонаследия и порядка управления страной. Начались распри, и в них была втянута Роксана с сыном Александром, а также Барсина с уже взрослым Гераклом. Властолюбивая мать покойного Александра Македонского – Олимпиада – тоже поучаствовала в дележе власти. То одна, то другая партия брали верх, но в конце концов политические интриги привели сначала к убийству Олимпиады, потом – Барсины и Геракла, а в 309 году до нашей эры пришел черед Роксаны и юного Александра...

Гай Юлий Цезарь и Корнелия Цинилла

83 год до нашей эры

Гай Юлий Цезарь, великий военачальник, правитель Рима, реформатор и писатель, происходил из благородного рода, но недостаточно высокопоставленного и ничем особо себя не прославившего, к тому же и не богатого. Зато он получил прекрасное образование, да и отношения в его семье могут считаться образцовыми. И женился он по любви, причем – по древнеримским меркам – очень рано: ему было семнадцать лет. Невесте, Корнелии Цинилле, не исполнилось и двенадцати лет, но как раз ее возраст считался вполне приемлемым...

Гай Юлий Цезарь. Античный бюст

Никаких воспоминаний об их свадьбе не сохранилось, но, разумеется, бракосочетание между двумя представителями аристократических семейств происходило с соблюдением всех законов и обычаев. И чтобы вообразить, какими были подготовка к свадьбе Гая Юлия Цезаря и Корнелии Циниллы и сама свадьба, нам надо понять, что представлял собой брачный обряд в Древнем Риме. Наиболее подробное и емкое исследование предлагает русскоязычный проект «Эволюция» на сайте krasreferent.narod.ru, на основе книг Новицкого И.Б. «Римское право» и Джонса А.Х.М. «Гибель античного мира»:

«Брак в Древнем Риме считался священным таинством и опорой государства. Большинство браков в богатых семьях Древнего Рима заключалось по расчету: для продолжения рода (*лат. matrimonium* – “брак”, от *лат. mater* – “мать”), для объединения владений, а также для укрепления политических союзов. Среди бедного населения, скорее всего, также преобладал расчет, однако не исключались браки по любви.

Авторы времен Римской империи считали республику периодом расцвета римского брака за то, что мужчины строго контролировали мораль жен. Партнерство супругов в современном понимании считалось не только ненужным, но и невозможным: в Древнем Риме считалось, что жена должна была посвятить свою жизнь поддержке мужа и заботе о нем. Родители занимались поисками подходящего жениха уже вскоре после рождения девочки. Сенека писал о том, что отцы семейства выбирали иногда неподходящих супругов, так тщательнее родители выбирают скот и рабов, а о всех недостатках будущей жены жених узнает лишь на свадьбе. Одной из важных причин для вступления в брак являлось заключение политических альянсов. Так, известны многочисленные примеры таких союзов в I веке до нашей эры, в которых невеста выступала залогом стабильности политических объединений. Для мужчины брак служил сохранению богатства и статуса и их передачи законным наследникам. Кроме того, пока длился брак, муж мог распоряжаться денежной составляющей приданого и ожидать от семьи супруги финансирования его карьеры. Не менее важным было рождение законных наследников, которые тем самым сохраняли положение в обществе из поколения в поколение. Иногда отец жениха посылал к будущей супруге повивальную бабку, чтобы осмотреть ее и узнать, способна ли она к деторождению.

Корнелия Цинилла. Античное изображение

Девочки могли быть отданы замуж с достижением совершеннолетия, то есть в возрасте 12 лет (девушка считалась *лат. viri potens* – “в состоянии принимать мужчин”), мальчики в 14 лет (*лат. pubes*). Причинами рано выдавать дочь замуж были ранняя смертность женщин и детей и более низкая ожидаемая продолжительность жизни. Иногда девочки до этого возраста отводились в дом жениха, однако обязанности жены наступали строго по закону. По мнению ученых, в действительности девушки выходили замуж в возрасте между 17–23 годами, а мужчины женились в среднем в 27–30 лет. Один из современников императора Траяна считал, например, рекомендованный Гесиодом возраст для вступления в брак (18 лет), по “сегодняшним меркам”, довольно поздним. Разница в возрасте супругов иногда доходила до 30 лет.

Супруги не должны были состоять в родстве. Браки, в которых муж и жена являлись родственниками до четвертого колена, считались инцестом и карались смертной казнью (позднее ссылкой). Также были запрещены браки между приемными детьми и родителями. В течение веков условие о родственных связях между супругами стало менее строгим: с I века до нашей эры был разрешен брак между двоюродными братьями и сестрами. Такой брак, заключенный в 171 году до нашей эры, описывает Тит Ливий. В III веке нашей эры было разрешено вступать в брак также дядям и племянницам. Брак между братьями и сестрами встречался в Рим-

ском Египте также среди простого населения, что для римлян являлось нарушением закона, но местными обычаями разрешалось.

Для заключения брака требовалось согласие отца семьи. В ранний период Рима не требовалось согласие детей, однако позднее глава семьи не мог повлиять на решение сына. Для обручения и брака дочери, по словам Ульпиана, формально требовалось ее согласие. Девушка могла не согласиться на свадьбу только в том случае, если отец выбрал для нее недостойного (например, по характеру или поведению) или “запятнанного позором” жениха. Более взрослые дети часто сами выбирали себе супругов, а с введением законов Августа дети могли обратиться к магистрату, если отец не давал разрешения на брак.

Право заключать брак (*лат. conubium*) имели лишь свободные римские граждане. Брак был запрещен лицам, занимавшим определенные должности и имевшим определенный статус: например, опекуну и подопечным, магистратам провинций во время исполнения должности, солдатам и иноземцам, рабам.

О приданом (*лат. dos*) отцы жениха и невесты обычно договаривались во время помолвки, однако соглашение могло заключаться и после брака. Оно могло состоять из имущества, денег, драгоценных металлов, дорогих тканей, прав, обязательств (например, женщина, выходящая замуж за своего должника, могла оставить ему этот долг как приданое). Отец девушки должен был выплатить приданое в течение трех лет после свадьбы. Муж мог использовать его во время брака: “Приданое, будучи связано с браком, служит его тяготам и общим детям...” При разводе муж был обязан выплатить все приданое, если муж прежде умирал, жена также получала приданое обратно, так как, как писал римский юрист Помпоний, “для государства важно, чтобы приданое сохранялось для женщины, ибо крайне необходимо, чтобы женщины были с приданым ради рождения потомства и пополнения гражданства детьми”. Муж не имел права распоряжаться личным состоянием женщины. “Исходное приданое”, данное отцом дочери, возвращалось отцу в случае смерти дочери “вместо утешения” (*лат. solacii ius*), “чтобы, потеряв дочь, он не страдал еще и от денежного убытка”, приданое, данное матерью, оставалось у мужа умершей дочери как “пришрое”. Обычай выдавать дочерей и сестер замуж без приданого большей частью не только не приветствовался, но и осуждался: “Но какой скандал – девицу выдать без приданого”. В богатом городском доме власть жены объясняется, по мнению ученых, ролью ее приданого: принесенные женщиной в дом мужа средства давали ей право требовать внимания со стороны мужа, что иногда рассматривалось мужьями как посягательство на их свободу. Так, один из героев комедии Плавта признается, что, “взяв деньги, власть он продал за приданое...”.

Свадьбе могла предшествовать церемония помолвки (*лат. sponsalia*, от *лат. spondere* – «обещать»), на которой отцы договаривались о предстоящей свадьбе. Этот обычай соблюдался, прежде всего, в семьях высшего сословия и в юридическом плане являлся лишь праздником. Будущий жених вручал невесте наряду с дарами в знак верности железное кольцо (*лат. anulus pronubus*) без камня (в более позднее время – золотое кольцо). Кольцо носила только невеста на безымянном пальце левой руки, так как римляне полагали, что оттуда идет вена к сердцу. Помолвка во времена империи скреплялась еще и поцелуем. Во времена поздней республики и Римской империи праздник с приглашенными гостями и подарками был скорее обычным делом и устраивался, чтобы упрочить уважение в обществе. Помолвка могла быть в любое время расторгнута словами: *лат. conditione tua non utor* – «твоим предложением не воспользуюсь». Возрастных ограничений для помолвки не существовало. По закону Августа, от наказаний освобождались помолвленные холостяки, вследствие чего многие мужчины стали использовать это правило для уклонения от брака: устраивалась помолвка с совсем маленькими детьми. Август постановил, что помолвка считается недействительной, если свадьба не происходит через два года после помолвки.

Свадьба была большим семейным праздником, а для невесты являлась формальным “переходом” от девочки к женщине. Из письменных источников известны обычаи подготовки и проведения свадьбы в высших сословиях Древнего Рима, о традициях в семьях крестьян, торговцев, ремесленников точно ничего не известно. Дата бракосочетания выбиралась с учетом религиозных традиций и праздников, верований в счастливые и несчастливые дни...

Вечером перед свадьбой девушка жертвовала ларам свои старые игрушки и детскую одежду, тем самым прощаясь с детством. Накануне свадьбы невесте повязывали голову красным платком и надевали на нее длинную прямую белую тунику с шерстяным поясом (*лат. tunica recta*), предназначавшуюся и для дня свадьбы. Пояс из овечьей шерсти (*лат. singillum*) завязывался двойным геркулесовым узлом, который должен был предотвратить несчастье. Волосы невесты также накануне вечером укладывались наконечником копья (*лат. caelibari hasta*) в 5 прядей. Затем волосы скреплялись шерстяными нитями (*лат. vittae*) и собирались в конусообразной форме. Свадебный наряд невесты представлял собой длинное платье – паллу (*лат. palla gelbeatica*), ярко-красного цвета, надеваемое на тунику. На голову накидывали покрывало огненного, желто-красного цвета (*лат. flammeum*), немного спуская его на лицо, а со времен поздней республики надевали венок из цветов (вербены и майорана, позднее из цветов апельсинового дерева и мирта), собранных самой невестой. Обувь должна была быть того же цвета, что и *flammeum*. К украшениям относился, прежде всего, браслет. Об особенном наряде для жениха не сохранилось сведений, возможно, он надевал обычную белую тогу и венок (по греческой традиции). Дома невесты и жениха украшались венками, зелеными ветвями, лентами и цветными коврами.

Утром в день свадьбы процессия, которую возглавляла распорядительница (*лат. pronuba*), женщина, служившая невесте примером, так как лишь один раз была замужем, направлялась к храму или домашнему атриуму. Затем пару подвели к алтарю, на котором в жертву приносилась свинья (реже овца или вол), чтобы по внутренностям узнать у богов, будет ли брак счастливым. Если предсказание было удачным, то давалось согласие на брак. Затем подписывался брачный договор (*лат. pacta dotalia*), пара произносила «да» и обменивалась кольцами. В качестве знака верности и как символ дружеского и сердечного единения (а не как скрепление договора) жених и невеста подавали друг другу правую руку (*лат. dextrarum iunctio*). Затем просили благословения у пяти богов: у Юпитера как гаранта союза, у Юноны как богини брака, Венеры как богини любви, Фидес как олицетворения верности и Дианы как богини-матери.

После брачной церемонии начиналось обильное застолье (*лат. cena nuptialis*). Вечером после пира девушка окончательно покидала своих родителей: начиналась церемония «отведения» (*лат. deductio*) – проводы невесты в дом жениха. Невесту «похищали» в память о древних традициях: «делать вид, будто девушку похищают из объятий матери, а если матери нет, то ближайшей родственницы». Затем пару отводили в дом мужа в сопровождении насмешливых, а также непристойных песен (*лат. versus Fescennini* – так назывались, возможно, потому, что считалось, что они оберегают от колдовства (*лат. fascinum*), песен, гимнов, шуток. Невесту вели за руки двое мальчиков, третий нес перед ней факел из терновника (*лат. spina alba*), который зажигали от огня на очаге дома невесты. За невестой несли прялку и веретено, как символы женских занятий в доме мужа. Прохожим раздавали (бросали) орехи как знак плодородия, которые должны были обеспечить новой семье обильное потомство.

Муж переносил жену через порог нового дома, чтобы жена не споткнулась о него, что считалось плохим знаком. После этого жена оборачивала дверной косяк шерстью и смазывала жиром (по словам Плиния Старшего, использовался волчий жир как воспоминание о волчице, вскормившей Ромула и Рема) и маслом, что, возможно, должно было отпугивать злых духов в первую ночь. Гости уходили и продолжали праздновать в другом месте.

Жену раздевали женщины, которые лишь единожды состояли в браке, и отводили к кровати мужа.

На следующий день жена появлялась впервые в наряде матроны и еще раз приносила жертвы ларам и пенатам, а также получала подарки от мужа. В этот день молодая семья устраивала праздничное застолье у себя дома в кругу близких родственников и друзей (*лат. herotia*).

Роскошь свадебных праздничных пиров император Август пытался ограничить законодательными мерами: затраты на свадьбу и последующее торжество не могли превышать 1000 сестерциев. Сумма слишком маленькая, поэтому этот закон, вероятно, не соблюдался. Сумма увеличивалась еще и за счет того, что гостям в благодарность за оказанную дому честь преподносили денежный подарок. Пары, не желавшие шума и больших растрат, предпочитали жениться в сельской местности...»

Итак, семнадцатилетний Гай Юлий Цезарь «похитил» свою одиннадцатилетнюю супругу из объятий ее матери, перенес через порог своего дома, а на следующий день Корнелия Цинилла впервые появилась в наряде матроны... Но безмятежное счастье, которое во все времена окружало счастливых новобрачных, было разрушено уже через несколько дней после свадьбы.

Дело в том, что отец Корнелии Циниллы – патриций Луций Корнелий Цинна – был сторонником римского военачальника и консула Гая Мария, который захватил власть в Риме, но проиграл в битве с другим претендентом на власть – Луцием Корнелием Суллой. Вряд ли перипетии большой политики интересовали юную Корнелию Циниллу, хотя Гай Юлий Цезарь бесспорно следил за «положением на фронтах». Его тесть и отец Корнелии Циниллы до конца оставался верен Гаю Марию и погиб... А Сулла, прибыв в Рим в качестве победителя, немедленно приказал изгнать всех сторонников Гая Мария и даже родственников погибших сторонников, а также демонстрацией верности Сулле со стороны его подданных должны были стать разводы с женщинами из семей сторонников Гая Мария. Многие развелись... Но Гай Юлий Цезарь отказался. Слишком дорога ему была его маленькая Корнелия Цинилла. Дороже карьеры, которой он рисковал. Дороже жизни, которую у него могли отнять: его имя едва не внесли в «проскрипционные списки» людей, объявленных вне закона и приговоренных к смерти. Спасли его только многочисленные прошения со стороны его родных, а также людей, которые видели в этом юноше яркую личность и считали, что его смерть будет утратой для Рима. Однако же Гай Юлий Цезарь был лишен престижной должности и всего своего состояния, а Корнелия Цинилла – своего приданого. Супругам пришлось покинуть Рим и уехать в Малую Азию. Однако они остались вместе и уже этим были счастливы...

Гай Юлий Цезарь, как любой римлянин, мечтал о сыне. Но из-за юного возраста вступающих в брак девушек гибель от родов стояла на первом месте среди причин женской смертности в Древнем Риме, превосходя даже ущерб от эпидемических заболеваний: достаточно почтить эпитафии на сохранившихся римских саркофагах и надгробиях, чтобы убедиться, сколько юных жен не смогли пережить рождения первого же ребенка. В благородном сословии это было столь серьезной проблемой, что, по словам польского историка Александра Кравчука, «высокая ранняя смертность среди женщин приводила к так называемой маскулинизации старших возрастных групп – мужчин в них было значительно больше, чем женщин».

Первые роды Корнелия Цинилла пережила, хотя дались они ей тяжело: свою дочь Юлию Цезарис она произвела на свет в первый же год после свадьбы, то есть сама была еще ребенком, когда родила ребенка. После Корнелия Цинилла долго хворала. Несколько последующих беременностей закончились выкидышами. Но Гай Юлий Цезарь любил свою жену также горячо, как в день их свадьбы.

Они вместе пережили многое: и изгнание, и возвращение в Рим, когда Сулла умер...

Они прожили вместе четырнадцать счастливых лет.

Корнелия Цинилла успела застать начавшееся возвышение Гая Юлия Цезаря, когда в 68 году до нашей эры она умерла, рожая их второго ребенка. Это был мальчик, и он тоже не выжил.

Гай Юлий Цезарь женился еще дважды: ведь ему нужен был сын.

Всего через год после смерти Корнелии Циниллы он женился на красавице Помпее Сулле – кстати, внучке Суллы, своего гонителя! – но эту женщину выбрала для него мать, а мнение матери Гай Юлий Цезарь уважал. Однако за шесть лет совместной жизни Помпея Сулла не принесла ему детей, и Гай Юлий Цезарь с легкостью развелся с ней, потому что считал ее глупой, болтливой транжирой.

Затем он женился на Кальпурнии Пизонис, молодой благоразумной девушке из богатой и знатной семьи. Но она тоже не смогла родить ему детей... Однако эту жену Цезарь не бросил: Кальпурния Пизонис смогла вызвать его уважение. Уважение, но не любовь.

Если бы не необходимость продлить род, возможно, он бы остался верен памяти Корнелии Циниллы: все считали, что она была его единственной истинной любовью... Вернее, оставалась единственной и истинной, пока он, на закате лет, не встретил легендарную Клеопатру. И вот как удивительно сплетает судьба свои кружева: именно Клеопатра родила Гаю Юлию Цезарю желанного сына – Цезариона.

Ему пришлось пережить смерть их с Корнелией Циниллой дочери: Юлия Цезарис вышла замуж по воле и выбору отца – и умерла в родах, так же как и ее мать...

А Гай Юлий Цезарь стал первым римским императором. Объединив в своих руках всю власть, он заменил первое имя своего имени – Гай – тем почетным кличем, которым римское войско приветствовало победителя – *imperator*! И отчеканил на своих монетах: *Imp(erator) Caesar p(ater) p(atriciae) dict(ator) perp(etuus)* – «Цезарь, отец отечества, правитель неизменный». С тех пор имя Цезарь стало одновременно и титулом – всех императоров называли «Цезарь» (или, как обычно, произносят на русском, «Кесарь»)

Он был убит в результате заговора 15 марта 44 года до нашей эры.

И кто знает, быть может, когда тьма застилала его глаза, он вспомнил не последнюю свою любовь, не египетскую царицу Клеопатру во всем блеске ее красоты и славы, а ту нежную застенчивую девочку, которую он когда-то перенес через порог своего самого первого дома?...

Гай Юлий Октавиан Август и Ливия Друзилла

17 января 38 года до нашей эры

Ливия Друзилла была красавицей. Это могло бы стать источником множества неприятностей для нее и ее близких, если бы она не была к тому же умна и не обладала уникальным даром приспосабливаться к обстоятельствам.

Девица из благородного патрицианского рода, Ливия Друзилла в шестнадцать лет была выдана замуж за Тиберия Клавдия: он был одним из военачальников Гая Юлия Цезаря, но, когда того убили заговорщики, изменил своей присяге и присоединился к убийцам. Тиберий Клавдий считал, что выбрал победившую сторону. Однако вскоре ему пришлось бежать из Рима: Гай Юлий Октавиан Август, приемный сын Цезаря, преследовал всех убийц его отца, а также всех, кто его предал.

Ливия Друзилла только что родила сына Тиберия, будущего императора, и с грудным младенцем на руках ей пришлось бежать вместе с мужем. Когда они под покровом ночи поднимались на корабль в Неаполе, плач малыша Тиберия едва не выдал их. Из Сицилии они бежали в Спарту, оттуда пробирались горными тропами и попали в лесной пожар... Ливия Друзилла, спасая Тиберия, сильно пострадала: сгорела ее одежда и волосы, и на теле навсегда остались шрамы. Но прекрасное лицо огонь не тронул, волосы потом отросли, а тело было прикрыто нарядной одеждой, когда она, девятнадцатилетняя, беременная вторым ребенком, предстала перед глазами Гая Юлия Октавиана Августа: из политических соображений он решил простить врагов Цезаря и позволил их семьям вернуться в Рим.

Ливия Друзилла

Октавиан Август влюбился в нее с первого взгляда.

Он был женат. Его супруга, благородная Скрибония, со дня на день должна была родить.

Октавиан Август дождался родов. Узнав, что Скрибония произвела на свет не наследника, а всего лишь девочку, он в тот же день объявил ей о разводе... И попросил руки Ливии Друзиллы у ее мужа. Вернее, не попросил, а потребовал. Но Тиберий Клавдий не хотел снова покидать Рим и был готов на все, лишь бы оставаться в милости у Октавиана Августа.

Октавиан Август испросил разрешения у жрецов: его тревожило, можно ли жениться на беременной женщине, или надо дождаться, пока Ливия разродится. Жрецы ответили, что можно, если факт беременности известен, чтобы не было сомнений в том, кто отец ребенка.

17 января 38 года состоялась пышная, но очень странная свадьба: невеста была на шестом месяце беременности, что для Древнего Рима было все же оригинально, да еще роль отца, выдающего дочь замуж, играл ее бывший муж и отец ребенка, которого она носила! Польский историк Александр Кравчук пишет: «В те времена женщины обычно держали при себе мальчиков – что-то вроде амуров. Увидев, что на пиру Ливия занимает место рядом с Октавианом, а Тиберий Клавдий расположился в другом месте рядом с кем-то другим, один из мальчиков подошел к ней со словами: “Что ты здесь делаешь, госпожа? Ведь твой муж вон там!” – и показал пальцем. Гости изрядно позабавились, однако не показывая виду».

В положенный срок Ливия родила еще одного сына, который получил фамильное имя Друз. Октавиан Август немедленно отослал младенца к его настоящему отцу. А римляне придумали ехидную поговорку: «У счастливых людей дети рождаются через три месяца после свадьбы».

Гай Юлий Октавиан Август

Да, Ливия Друзилла и Октавиан Август были очень счастливы вместе. Но, увы, общих детей у них не было. Их единственный ребенок родился мертвым, и больше Ливия забеременеть не смогла. Недоброжелатели видели в этом немилость богов, оскорбленных поступком Октавиана Августа, отнявшего жену у мужа... Однако брак их продлился больше полувека и до конца оставался гармоничным и радостным.

Ливия Друзилла стала первой признанной сенатом императрицей Рима.

Когда Ливию спрашивали, как ей удалось так привязать к себе мужа – ведь другую бездетную жену давно бы отослали прочь! – она отвечала: «Истинной скромностью, тем, что всегда охотно исполняла все его желания, и тем, что никогда не вмешивалась в его дела, а еще

тем, что не только никогда не упрекала его за романы на стороне, но притворялась, что о них и не подозреваю».

Гай Кальпурний Пизон и Корнелия Орестина

37 или 38 год

Эта свадьба сохранилась в истории как одна из самых пышных и одна из самых скандальных свадеб своего времени.

Гай Кальпурний Пизон происходил из богатой и знатной семьи, был отчаянным карьеристом и собственную свадьбу с юной красавицей Корнелией Орестиной решил превратить в спектакль для главного гостя и зрителя: для императора Калигулы, который удостоил его чести быть свидетелем его бракосочетания.

Чрезмерное хвастовство до добра не доводит.

Как и положено, в зале, полном веселящихся гостей и усыпанном лепестками роз, жених и невеста возлежали рядом на покрытом ароматными цветами ложе, символизирующем их будущее супружеское ложе, принимали поздравления и подарки, а самые почетные гости также возлежали (ибо у римлян было принято не сидеть, а лежать на пирах) и пели эпиталаму, то есть свадебную песню, написанную Гаем Валерием Катуллом, одним из известнейших поэтов Древнего Рима:

Девушка также: невинна пока – бесплодно стареет.
Если ж, для брака созрев, достойно в супружество вступит,
Мужу дороже и меньше родителю в тягость.
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!
Девушка, ты не перечь такому супругу. Нельзя ведь!
Право, перечить тому, за кого сам отец тебя выдал.
Мать и отец заодно – их воле должна быть послушна.
Девство не все ведь твое, а отчасти родителей также:
Треть в нем отцовская есть, материнская треть в нем другая,
Треть лишь одна в нем твоя. Потому не перечь ты обоим,
Тем, что права передали свои и приданое зятю...
Гимен, о Гименей, Гимен, явись, Гименей!

Явился им явно не Гименей, благословляющий брак, а какое-то иное, жестокое и похотливое божество, по мановению руки которого император Калигула вдруг увидел, что юная Корнелия Орестина и правда необыкновенно прекрасна и желанна. И он захотел ее – себе. «Не прижимайся так к моей жене!» – сказал он потрясенному Гаю Кальпурнию Пизону. И шагнув к ложу молодых, буквально сорвал с него невесту и сжал в объятиях. И заявил, что женится на ней сам...

Все были шокированы, скандализированы, но никто не посмел перечить императору, которого уже тогда все боялись: слишком легко Калигула принимал решение кого-либо казнить, и слишком изобретателен он был в способах казни.

Калигула даже не дождался ночи и традиционного уединения в доме для новобрачных: он увел Корнелию Орестину в одну из комнат и приказал, чтобы Гай Кальпурний Пизон следовал за ними и был свидетелем того, как Калигула овладеет его невинной невестой. То ли для утоления своих садистских пристрастий, то ли для того, чтобы еще сильнее унижить Гаю Кальпурния Пизона, Калигула так грубо набросился на девушку, что ее крики были услышаны даже пирующими в зале... После Калигула увез полубесчувственную Корнелию Орестину к себе во дворец. По словам польского историка Александра Кравчука, на следующий день «Калигула

издал эдикт, в котором говорилось, что он женился, последовав примеру Ромула и Августа. Первый из упомянутых похитил сабинянок у мужей и отцов, а второй отобрал Ливию у мужа».

Гай Кальпурний Пизон. *Изображение на античной монете*

Правда, брак Калигулы с Корнелией Орестиной продлился недолго. Калигуле нравились женщины страстные и изобретательные в любви. А она, после жестокого надругательства, которому император подверг ее в день свадьбы, всякий раз рыдала, когда он осуществлял свое право супруга и господина. За несколько дней Корнелия Орестина накутила Калигуле, и он развелся с ней, однако запретил ей даже видаться с Гаем Кальпурнием Пизоном.

Видимо, какую-то извращенную страсть Калигула продолжал питать к этой несчастной женщине, потому что через два года он приказал сослать и Корнелию Орестину, и Гая Кальпурния Пизона по обвинению в том, что они все-таки встречались. Правдивым было это обвинение или нет – неизвестно. Император позаботился о том, чтобы несостоявшиеся супруги были высланы в максимально удаленные друг от друга области. Правда, им было позволено взять в изгнание по десять рабов, что означало вполне комфортную жизнь. На этом следы Корнелии Орестины теряются во мраке истории, а Гай Кальпурний Пизон еще вернулся в Рим, еще раз женился и уже при императоре Нероне был приговорен к смерти и покончил с собой, чтобы избежать казни.

Средневековье и Возрождение

Король Эдуард II Английский и Принцесса Изабелла Французская

25 января 1308 года

В начале XIV века случилось так, что соседними странами, Францией и Англией, правили два выдающихся короля. Во Франции – Филипп IV, получивший прозвище за внешность – Филипп Красивый, а за характер – Железный король. В Англии – Эдуард I, получивший прозвище за внешность – Эдуард Длинноногий, а за характер – Узурпатор: правда, так его звали только обиженные им шотландцы, но все же это прозвище о многом говорит. У короля Франции были сыновья и дочь. Сыновья, которыми он не слишком гордился. И дочь – прекрасная Изабелла, отец сожалел, что она не родилась мальчиком. У Эдуарда I дело обстояло еще хуже: его единственный наследник, принц Эдуард, был гомосексуалистом. И все же они решили поженить детей – ради будущей славы и общего величия Франции и Англии. Если бы только они могли предвидеть, что эта свадьба приведет к стольким несчастьям, а в финале – к Столетней войне.

Когда пятнадцатилетнюю Изабеллу отец отправлял в Англию, он сказал ей: «Дочь моя, я выдаю тебя замуж не за мужчину – я выдаю тебя за короля!» Изабелла запомнила эти слова отца и всю жизнь была достойной женой английской короне. Даже тогда, когда мужчина, ставший мужем Изабеллы, был ею уже уничтожен, верность короне она блюла свято!

Принц Эдуард внешне был очень женственным, любил наряды, роскошные ткани и драгоценные украшения, а больше всего на свете он любил рослых, крепких, плечистых парней, причем для него было безразлично происхождение очередного любовника, и он частенько одаривал своим вниманием сильных и мускулистых каменщиков, некоторые из которых были не прочь подзаработать, приласкав женоподобного принца. Но, разумеется, постоянных фаворитов Эдуард выбирал только из числа аристократов.

**Коронация Эдуарда II Английского и
Изабеллы Французской. Иллюстрация XX в.**

Для его отца, Эдуарда I Длинного – жестокого и великого короля, прославившегося тем, что он практически поработил Шотландию, – наклонности сына были источником постоянных огорчений. Но ничего поделать с этим было невозможно, а сын был единственным... Быть может, будь у Эдуарда I еще один сын, с нормальной сексуальной ориентацией, отец предпочел бы передать корону ему, а «неудачного» Эдуарда попросту убил бы. Эдуард I был способен убить собственного сына. Он вообще на многое был способен. Однако, поскольку других сыновей не было, приходилось терпеть этого! Ненависть короля к неудачному отпрыску иногда

выплескивалась в жестоких побоях, которым он подвергал принца, а также в убийствах его фаворитов. Но принц выздоравливал после очередной трепки, а на смену убитому фавориту всегда приходил новый.

Изабеллу предупредили обо всем, и она была готова... Готова отдаться собственному свекру! Ведь и Филипп Красивый, и Эдуард Длинноногий понимали, что принц Эдуард просто не сможет овладеть женщиной и зачать ребенка, он питает к женщинам такое отвращение, что физиология не позволит ему продолжить род. Да Эдуард и не стремился получить внука с «дурной кровью». Он собирался сам зачать ребенка, который должен был бы унаследовать лучшие качества отца и матери – его самого и принцессы Изабеллы.

Возникает вопрос: почему Эдуард Длинноногий не женился на Изабелле сам? Ведь он был вдовцом и мог взять новую жену... Возможно, будь он моложе и не так болен, Эдуард Длинноногий именно так и поступил бы. И убил бы недостойного принца Эдуарда, получив от Изабеллы сильного и здорового сына. Но теперь он не мог так поступить. Его тяготили старые раны, особенно одна, в пробитом стрелой легком, и король понимал, что умрет очень скоро. Ребенок останется сиротой, совсем маленьким... И как всегда в такой ситуации, найдутся другие претенденты на престол. Нет, лучше, чтобы малыш считался сыном принца Эдуарда. Пусть Эдуард пока поживет и обеспечит видимость законного престолонаследия в случае, если его отец умрет, не успев вырастить «внука», а истинный наследник пусть вырастет в спокойной обстановке. В том, что, повзрослев, его сын от Изабеллы восстанет против ничтожного содомита и снимет с него корону, Эдуард I не сомневался. Возможно, именно он подтолкнул Изабеллу к тому, что она впоследствии совершила... И в любом случае Эдуард Длинноногий не осудил бы свою невестку! Но ему не повезло. Он умер от ран летом 1307 году, во время очередного шотландского похода.

Изабелла вышла замуж в 1308 году, уже после его смерти. И даже на собственную свадьбу принц Эдуард прибыл в сопровождении очередного любовника, Пирса Гэвистона. И первую брачную ночь провел в его объятиях. А Изабелла утешалась чтением: она привезла с собой целый сундук книг.

Их свадьба была значительным событием для европейской истории: недаром художники сочли нужным изобразить первую встречу Изабеллы и Эдуарда, когда она сошла на берег в Англии, и их бракосочетание, и копии с этих рисунков были разосланы ко всем королевским дворам. Если судить по рисунку, в день свадьбы невеста, чья красота прославилась на всю Европу, была в синем платье и в синем плаще, затканном золотыми узорами и отороченном белым горностаем. Плащ был таким длинным, что его придерживала фрейлина. На голове у принцессы была корона, золотистые волосы распущены по плечам. Впрочем, судить по этим рисункам о ее красоте сложно, потому что в Средневековье еще не умели делать удачных портретов... Приходится опираться на воспоминания современников.

Изабелла исполнила-таки мечту Эдуарда I и родила в 1312 году мальчика, который был окрещен Эдуардом, как отец и дед. Он рос именно таким ребенком, о каком мечтал его покойный дедушка: здоровым, сильным, умным, волевым. Еще в раннем детстве он доставлял много хлопот нянькам, а потом и воспитателям. Он все хотел знать, всюду хотел побывать, все попробовать... А первое его слово было «хочу».

Кто стал настоящим отцом будущего Эдуарда III – остается одной из загадок истории. Некоторые ученые считают, что сам Эдуард II поднапрягся и смог осуществить свой королевский долг: произвести наследника. В конце концов, ему приписывали четырех внебрачных детей! Другие ученые утверждают, что Эдуард питал к женщинам отвращение и вовсе не мог вступать с ними в близость, что внебрачные дети были выдумкой, необходимой для того, чтобы доказать – король на самом деле нормальный мужчина, а вовсе не мужеложец... Кто-то считает, будто Эдуард Длинноногий сам назначил себе «преемника», чуть ли ни одного из своих внебрачных сыновей, дабы тот овладел Изабеллой и зачал наследника... Но в воспо-

минаниях современников не встречается никаких упоминаний о том, чтобы у Эдуарда Длинного были внебрачные сыновья! Если бы они были, ему бы хватило силы и решимости устранить законного, но недостойного короны и посадить на трон бастарда. Говорили также, что это Филипп Красивый, отец Изабеллы, узнав о том, что спустя три года после свадьбы она все еще остается девственницей, прислал из Франции своего родственника, Робера Д'Артуа, с указанием соблазнить Изабеллу и оставаться при ней до рождения сына, а если первый ребенок окажется девочкой – сожительствовать и дальше, пока она не родит сына. Эта версия более правдоподобна. Но наверняка все-таки ничего не известно. Создатели оscarоносного фильма «Храброе сердце» утверждают, будто Изабелла родила сына от шотландского национального героя Уильяма Уоллеса. Красивая версия, но на самом деле у них не было даже возможности познакомиться. Уильям Уоллес был казнен в 1305 году, за три года до приезда Изабеллы в Англию. Хотя для Изабеллы, наверное, была бы предпочтительнее та версия, которую представил зрителям режиссер и актер Мел Гибсон! Во всяком случае, так ее юность хоть однажды была бы озарена нежным чувством...

Тогда как на самом деле в юности и в молодые годы Изабелла не знала никаких иных чувств, кроме чувства долга, довлевшего над всем ее существом. И ненависти... Отчаянной ненависти к мужу и его фаворитам.

Эдуард II, по сути, сам загубил и свою жизнь, и свое царствование. Он позволял своим любовникам и их родне управлять страной, он рассорился с баронами, он унижал свою властную, умную, энергичную супругу. Закономерным результатом стал заговор, в который Изабеллу втянул один из давних недругов Эдуарда II: барон Роджер Мортимер. Он соблазнил королеву, не знавшую страсти, и убедил ее, что необходимо восстать против короля, пока против него не восстала вся Англия. Изабелла согласилась, что она сама станет куда как лучшей правительницей, а когда сын подрастет – передаст корону ему. Эдуард II был свергнут. Его фавориты казнены или изгнаны. А он сам сначала заточен, а потом убит.

Изабелла правила страной, но недолго: ее сын, Эдуард III, которого короновали сразу после свержения его отца, рвался к власти. Он видел серьезных соперников своим правам в лице собственной матери и ее любовника Роджера Мортимера. В 1330 году Эдуард III приказал казнить Мортимера, а Изабеллу отправил в заточение.

А между тем во Франции братья Изабеллы умерли, не оставив прямых наследников. И Эдуард III потребовал французский престол, считая, что имеет на него право как единственный прямой потомок. Однако во Франции уже приняли салический закон, согласно которому женщины не могли наследовать корону. В Англии этот закон оспаривали... Так началась Столетняя война.

Лайонел, герцог Кларенс и Виоланта Висконти

1368 год

Это была свадьба, о пышности которой и о приданом невесты по всей Европе шли восторженные и недоверчивые разговоры. Сам брак оказался коротким – тридцатилетний новобрачный скончался всего через четыре месяца после свадьбы, и начались новые разговоры, на этот раз о том, что его, возможно, отравил тесть. Овдоветь в четырнадцать лет... Даже в те времена, когда женщины выходили замуж очень рано, такое случалось не часто. Девять лет спустя вдова вышла замуж ещё раз (вернее, её фактически насильно выдали замуж) – и второго мужа убили спустя полтора года; вышла замуж в третий – и вскоре умерла, всего в тридцать два. Это была эпоха жизней порою очень коротких, зато теперь кажущихся нам удивительно яркими...

Виоланта Висконти в образе святой, с братом.

Лайонел Антверпенский родился в Антверпене, однако был он английским принцем, сыном английского короля Эдуарда III. Первая жена Лайонела скончалась рано, оставив ему единственную дочь, Филиппу, так что молодому герцогу пришлось искать новую супругу. И она нашлась – Виоланта, дочь Галеаццо II, правителя Милана. Обещанное приданое могло соблазнить кого угодно – королю Эдуарду отец Виоланты пообещал сто тысяч флоринов, Лайонелу – двести; по тем временам это была неслыханно огромная сумма! А ещё – земли, пять городов, богатые подарки... Так что Лайонел пустился в долгий путь, чтобы обрести новую жену и новые богатства. А невеста? Ей было всего четырнадцать, столько, сколько было в своё время Лайонелу, когда он женился в первый раз. Очередная юная наследница, мнение которой в очередной раз никто не спрашивал. Портретов Виоланты до нас не дошло, но её отец считался одним из самых красивых мужчин своей эпохи, так что можно предположить, что она унаследовала его золотистые волосы и правильные черты лица.

В начале мая 1368 года герцог Кларенс в сопровождении своей свиты добрался до Италии. Есть основание предполагать, что в свите, сопровождавшей его, был и Джеффри Чосер, тот самый, которого станут называть «отцом английской литературы», и что именно тогда он встретился с Петраркой и Боккаччо. И если уж упоминать этих великих авторов, то не забудем и про знаменитого хрониста Жана Фруассара, который тоже присутствовал на свадьбе.

Двор Галеаццо II в те времена находился в Павии, неподалёку от Милана, и вплоть до дня венчания герцога Кларенса и его свиту всячески развлекали и там, и в окрестностях. Надо думать, конец весны и начало лета, щедрое итальянское солнце и не менее щедрое итальянское гостеприимство превратили это время для англичан в сплошной праздник!

Свадьба состоялась 28 июня в Милане, в церкви Санта-Мария Маджоре, венчал пару сам епископ. Кульминацией дня стал свадебный пир, состоявшийся на площади перед палаццо Аренго. Там расставили множество столов – за главным сидели герцог с новоиспечённой герцогиней, её отец, а также прославленный Франческо Петрарка. За отдельным столом сидело около сотни самых прекрасных дам миланского двора в роскошнейших нарядах, украшенных драгоценными камнями и жемчугом. Гости из Англии, гости из Италии – площадь была заполнена почти целиком. Тогдашний хронист писал: «Так роскошен был пир, что остатками со стола можно было накормить десять тысяч человек».

Брат невесты, Джан Галеаццо, и его молодые спутники с каждой новой переменной блюд приносили новые подарки: «Первое блюдо, в знак особых почестей, было подано к столу жениха, среди прочего, там были два поросёнка, полностью позолоченных, и их рты изрыгали огонь; были также и маленькие золочёные рыбки. В качестве подарка были преподнесены две превосходнейшие борзые, каких только можно было найти, соответствующе украшенные; их обвели кругом и показали присутствующим. Вторая перемена состояла из позолоченных оленей и щук; да ещё двенадцать борзых и шесть ястребов в подарок. Третья перемена – большой телёнок на серебряном блюде, в окружении позолоченной форели; в подарок – двенадцать охотничьих псов разных пород, с бархатными ошейниками и шёлковыми поводками. Четвёртая перемена, которая сопровождалась двенадцатью парами охотничьих собак и двенадцатью прекрасными соколами, с серебряными клубучками, бубенчиками и прочим, состояла из позолоченных куропаток и перепелов и жареной позолоченной форели. Пятая перемена, из позолоченной дичи всех видов и большого позолоченного карпа, сопровождалась подарками, похожими на подарки к четвертой, только клубучки соколов были украшены драгоценным жемчугом. С шестой переменной были поданы главные блюда пира и самые громоздкие подарки – говядина и каплуны с чесночным соусом и целые осетры; двенадцать посеребрённых стальных кирас превосходной работы для жениха. На седьмую перемену подали невиданные

нами до того блюда – каплуны, дичь и рыба в лимонаде; а в подарок преподнесли двенадцать несравненных миланских доспехов, а также двенадцать сёдел и копий для рыцарских турниров. Восьмая перемена – мучное, говядина и огромные пироги с угрями, а к ним – ещё двенадцать доспехов. Девятая перемена и последовавшая за ней были более скромными и состояли из мяса и рыбы, студня и миног; подарками были золотые монеты, золотая парча, серебряные вазы и фляжки, наполненные винами. Одиннадцатая перемена этого бесконечного пира была из козлятины, а в подарок преподнесли шесть осёдланных лошадей, копья, шлемы и всё остальное, а также шесть собак с золотыми попонками и украшениями. Тринадцатая перемена была из оленины и говядины; привели шесть боевых коней, с позолоченной упряжью, и с полной геральдической сбруей. Четырнадцатая – домашняя птица, каплуны и прочее, в разноцветных соусах с лимоном; и шесть турнирных лошадей в позолоченной сбруе, с красными бархатными попонками и поводьями. Пятнадцатая – павлиньи языки, снова карп, которого очень любят итальянцы и французы, овощи и фрукты. В подарок преподнесли герцогскую мантию, головной убор и одеяние, расшитое жемчугом и отделанное горностаем. Шестнадцатая – кролики, павлины, утки и так далее; в подарок – огромный серебряный сосуд, в котором лежали большой рубин, бриллиант, большая жемчужина и ещё сколько-то других драгоценных камней. Семнадцатая перемена была по сравнению с остальными в сельском духе, пасторальной – сыр пармезан, прославленный среди эпикурейцев, и другие молочные продукты, что сопровождал очень уместный подарок – двенадцать коров. Для восемнадцатой перемены – фруктов и различных вин – приберегали самые ценные подарки. Герцог Кларенс получил от своего свёкра двух великолепных боевых скакунов, которых звали Лев и Аббат, и семьдесят семь коней для его рыцарей и баронов.

Стол жениха на этом невиданном пиру, который шёл много часов, обслуживали двенадцать главных рыцарей герцогства, а пажы, обсуживавшие другие столы, хоть были и ниже по рангу, но все были благородной крови».

Многочисленные подарки получили не только жених с невестой, но и множество гостей со стороны жениха – Галеаццо II проявил невиданную щедрость; приданому и празднованию свадьбы его дочери могла позавидовать любая европейская принцесса!

Вот только счастье от этого не зависит совершенно.

Иаков II Шотландский и Мария Гельдернская

1449 год

Юная девица знатного рода на протяжении долгих веков представляла собой, как ни банально сравнение, пешку на шахматной доске. На разукрашенной доске, из чёрного дерева и слоновой кости, с фигурками из золота, украшенными драгоценными камнями; но всего лишь пешку. Правда, если она оказывалась сильной, упорной, смелой, то вполне могла добраться до другого края доски и стать королевой. С Марией Гельдернской так и произошло – из маленькой девочки, которую хотели выдать замуж то за одного, то за другого, она превратилась в королеву Шотландскую и даже правила страной (вернее, её частью) после гибели мужа. Но тогда, когда ей было пятнадцать, роль играли лишь происхождение и приданое...

Дочь герцога Гельдернского, Мария приходилась внучатой племянницей Филиппу Доброму, великому герцогу Бургундскому. Его супруга Изабелла Португальская, при дворе которой Мария жила с двенадцати лет, и занялась таким важным вопросом, как будущий брак Марии. Молодой шотландский король Иаков II как раз подыскивал себе невесту...

Иаков II Шотландский. Старинная гравюра

Переговоры шли долго. Когда четыре года назад Марию сосватали в первый раз, её отец заявил, что не может выплатить такое приданое, какое хотела бы сторона жениха, и брак не состоялся. На этот раз всё было серьезнее, и в феврале 1449 года к шотландскому двору отправились представители Бургундии, чтобы обсудить детали брачного контракта. Нам известно лишь, что отмечены эти переговоры были великолепным турниром в Штирлингском замке, где девятнадцатилетний Иаков II, несмотря на возраст, уже немало к тому повидавший в своей жизни, сражался против бургундского рыцаря. А сам брачный контракт был подписан 1 апреля. Помимо политического союза королевства Шотландия и двух герцогств, Бургундского и Гель-

дернского, главное, что он предусматривал, – это размер приданого, которое выплачивала сторона невесты, и размер содержания, которое будущий муж должен был выплачивать жене. Герцог Бургундский (а не отец, заметим!) давал за своей внучатой племянницей Марией огромную сумму, шестьдесят тысяч крон, а король Иаков обязывался выплачивать ей десять тысяч крон ежегодно. Перечисление же земель, которые он передавал будущей жене, занимало целую страну. Суммы были просто огромными, и, если учесть, что жених владел вовсе не самой богатой страной в Европе, а Мария была дочкой герцога, а не короля... Впрочем, брат её бабушки, герцог Бургундский, был богаче иных королей. Кроме приданого, герцог Филипп полностью оплачивал путешествие Марии в Шотландию, а Изабелла Португальская – её роскошное приданое. Словом, на юную Марию собирались обрушить золотые горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.